

Е. В. Палатовская*Киевский национальный университет имени Т. Шевченко***Сопряжение когнитивных и языковых способностей человека
в концепции А. А. Потебни****Палатовська О. В. Сполучення когнітивних і мовних здібностей людини в концепції О. О. Потебні.**

У статті представлено інтерпретацію поглядів О. О. Потебні на взаємозв'язок мови і мислення з позиції новітніх когнітивних досліджень. Автор статті розглядає ключові питання теорії ученого: про природу і еволюцію мови, участь мови у формуванні, зберіганні і передачі думок, співвідношенні думки з її мовною презентацією – і співвідносить його погляди з постулатами сучасних когнітивістів, знаходячи очевидні паралелі.

Ключові слова: думка, мислення, мова, когнітивні процеси, когнітивна лінгвістика.

Палатовская Е. В. Сопряжение когнитивных и языковых способностей человека в концепции

А. А. Потебни. В статье представлена интерпретация воззрений А. А. Потебни на взаимосвязь языка и мышления с позиции новейших когнитивных исследований. Автор статьи рассматривает ключевые вопросы теории ученого: о природе и эволюции языка, его участии в формировании, хранении и передаче мыслей, соотношении мысли с ее языковой презентацией – и соотносит его взгляды с постулатами современных когнитивистов, находя очевидные параллели.

Ключевые слова: мысль, мышление, язык, когнитивные процессы, когнитивная лингвистика.

Palatovska O. V. The combination of cognitive and language human abilities in the concept of A. A. Potebnya. The paper presents the interpretation of views of A.A. Potebnya on combination of language and thinking from the perspective of the latest cognitive research. The article examines the key issues of the theory of the scientist: the nature and evolution of language, its participation in the formation, storage and transmission of ideas, correlation between a thought and its expression in the language. The article also explores the relation between the views of the scientist and views of modern cognitive linguists and identifies obvious parallels.

Keywords: thought, thinking, language, cognitive processes, cognitive linguistics.

Характеризуя значение трудов А. А. Потебни в истории языкознания, поэт и теоретик символизма Андрей Белый еще в 1910 году назвал ученого «одним из наиболее выдающихся европейских лингвистов», в котором «отчетливость мысли сочетается <...> с многосторонностью освещения; дерзновение выводов с серьезной их обоснованностью; богатство и разнообразие мысли тонет в еще большем богатстве фактов, им подобранных; самостоятельность как бы прячется под маской им приводимых цитат» [2:241]. Он же в свойственной ему несколько пафосной манере предрек неослабевающий интерес потомков к научному наследию нашего соотечественника: «Если же мыслитель высказывает глубоко оригинальные взгляды <...>, пытаюсь подтвердить воззрения свои не ослепляющими парадоксами, а тяжелыми многотомными фолиантами, как часто надолго его постигает забвение; несколько специалистов, без сомнения, откроют его в пыли музеев и библиотек, чтобы сделать ссылки в соответственных выносках и комментариях к своим трудам; и только новая, нужная, быть может, глубоко революционная мысль долго будет таиться под спудом; <...> добросовестные исследователи просмотрят, быть может, ее необычное содержание; в интересе к частностям исследования растворится руководящая мысль. Но с тем большим восторгом последующая эпоха увидит в обычном необычное; искристый свет заблестит жизнью из пыли архивов» [2:240].

Действительно, к научному наследию А. А. Потебни неоднократно обращались лингвисты, философы, психологи и литературоведы, среди которых можно назвать Д. Н. Овсяннико-Куликовского, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, М. Г. Ярошевского, И. К. Белодеда, С. Д. Кацнельсона, Л. А. Булаховского, В. Б. Шкловского, Д. Ф. Острянина, Ф. М. Березина, А. И. Белодеда, В. Ю. Франчук и др. Каждый исследователь интерпретировал воззрения ученого с точки зрения своих научных интересов, конкретных задач исследования и позиций того научного направления или школы, к которым принадлежал. Однако ни одна работа, посвященная изучению научных работ харьковского профессора, не является до конца исчерпывающей и охватывающей все грани его деятельности, что является вполне закономерным и, по-видимому, невозможным, если исходить из мысли самого А. А. Потебни, что «посредством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить его собственную» [10:232]. Глубина и оригинальность теоретических изысканий и широта научных интересов Потебни заставляют новые поколения ученых, работающих в русле разных научных парадигм, обращаться к изучению его трудов.

Теоретические воззрения А. А. Потебни продолжают оставаться весьма актуальными и в XXI веке. Лингвисты, работающие в русле когнитивного подхода к языку, усматривают в его работах целый ряд идей, активно развиваемых в наше время

когнитивной лингвистикой – одним из ведущих направлений современного языкознания. Неслучайно международный коллектив авторов сборника научных трудов «Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика», появившегося в 2015 году, посвятил это издание «памяти трех выдающихся ученых прошлого, сыгравших историческую роль в когнитивных исследованиях языка» [5: 25] – А. А. Потебни, Л. С. Выготского и Б. Л. Уорфа.

Цель настоящей статьи – представить основные положения теории А. А. Потебни, относящиеся к проблемам соотношения когнитивных и языковых возможностей человека, в сопоставлении с постулатами теоретиков современной когнитивистики.

По определению А. А. Кибрика, «когнитивный подход к языку предполагает, что языковая деятельность представляет собой один из видов когнитивной деятельности человека, и языковые явления могут быть адекватно поняты лишь в контексте других когнитивных процессов, таких как представление знаний, память, внимание, сознание [4:5]. И хотя историю когнитивной лингвистики принято отсчитывать с середины 70-х годов XX столетия, многие ее идеи выдвигались значительно раньше. Общеизвестным предшественником когнитивного подхода к языку считается В. фон Гумбольдт, провозгласивший, что «язык есть не продукт деятельности, а деятельность», которая является связующим звеном между индивидом и «общественностью» (социумом), так как «...говорить значит связывать свою личную узкую мысль с мышлением своего племени, народа, человечества» (*Цит. по* [9:145] – *Е. П.*).

Идеи гумбольдианства получили распространение в России во многом благодаря деятельности одного из самых ярких представителей Харьковской лингвистической школы – профессора А. А. Потебни, который не только развил идеи своего предшественника, но и представил свое оригинальное видение проблем, связанных с сопряжением мысли и языка в речевой деятельности человека.

Остановимся на некоторых методологических положениях, которые являются определяющими в философско-деятельностной программе ученого.

1. А. А. Потебня подчеркивает, что язык – это динамическое образование, которое реализуется только в речевой деятельности: «Язык есть вечно повторяющееся усилие (работа) духа сделать членораздельный звук выражением мысли... Это – определение не языка, а речи, как она каждый раз произносится <...>; но, собственно говоря, **только совокупность таких актов речи <...> есть язык...** (*здесь и далее выделено нами – Е. П.*)» [9:28]). К сожалению, эта мысль не была воспринята как большинством современников ученого, так и следующими поколениями лингвистов, поэтому в языкознании более столетия размежевывались такие понятия, как язык и речь, текст как статичный продукт и речевая деятельность субъекта, то есть структурно-семантическая организация языка и ее

динамическое функционирование изучались изолированно друг от друга. Только в последней трети XX века в лингвистике утвердился системный подход к описанию языка, учитывающий единство формы, семантики и особенностей функционирования языковых единиц, а также их функционально-прагматическую обусловленность тем или иным типом дискурса. Определение языка, предложенное в XXI веке А. Е. Кибриком, звучит весьма созвучно приведенному выше определению А. А. Потебни: «Язык есть **социально ориентированная** семиотическая (знаковая) система, используемая как **механизм осуществления языковой деятельности. Язык и речь**, с точки зрения функционального подхода, **не противопоставлены, а дополняют друг друга...**» [6:323].

2. Социальную ориентированность языка подчеркивал и А. А. Потебня, несколько дополнив и перефразировав В. фон Гумбольдта: «В действительности язык развивается только в обществе, и притом не только потому, что человек есть всегда часть целого, к которому принадлежит, именно своего племени, народа, человечества, не только вследствие необходимости взаимного понимания как условия возможности общественных предприятий, но и потому, что человек понимает самого себя, только испытав на других людях понятность своих слов...» [9:30]. Таким образом, язык, в понимании ученого, обеспечивает не только *информативную*, т. е. передачу какой-либо информации другим членам языкового коллектива, но и *когнитивную* функцию, которая направлена на приобретение знаний о реальном или вымышленном мирах, их осмысление и хранение, что становится возможным только в результате речевой деятельности. Соответственно эти функции неразрывно связаны с мышлением и когнитивными способностями человека.

3. Третья методологически значимая характеристика языка – это его постоянная изменчивость и эволюционное развитие, которые следует учитывать при построении лингвистических теорий. А. А. Потебня пишет: «Таким образом, в **истории языка, в психологических наблюдениях современных нам процессов речи – ключ** к тому, как совершались эти процессы в начале жизни человечества» [9:44]. Эта мысль коррелирует с современными призывами ученых к созданию эволюционно-синтетической теории языка, опирающейся на синхронически-диахронический подход к его описанию, которая понимается следующим образом: «Синтетическая составляющая призвана учесть как внутрисистемные, сугубо лингвистические свойства языка и процессов его синхронного функционирования, так и межсистемные требования, выдвигаемые другими подсистемами, такими как мышление, представление знаний, эмоции, память и пр., тесно взаимодействующими с языковой подсистемой. Эволюционная составляющая должна служить основой для объяснения эволюции языка и процессов его становления и развития у ребенка» [7:137].

А. А. Потебня, описывая эволюционное развитие и становление современной ему языковой системы, весьма часто привлекает в качестве подтверждения своих положений примеры из детской речи, которая, по его мнению, сохранила многие черты протоязыка. Такой взгляд на онтогенез речи вполне согласуется с современными представлениями когнитивистов: «Подобно развитию детского языка, эволюцию человеческого языка тоже можно представить в виде двух линий расширения сенсорного протоязыка: семантической и синтаксической, обусловленных развитием когнитивных и мыслительных возможностей проточеловека» [7:149].

4. А. А. Потебня был одним из первых в славистике, кто обратил внимание на психологическую природу языка и на то, что «языкознание стало нуждаться в помощи психологии», изучая, как и психология, прежде всего «человека говорящего» [9: 45], предвосхитив некоторым образом появление новой области человеческого знания – психолингвистики. По мысли ученого, все науки естественного цикла состоят в неразрывной связи друг с другом: «Природа заключает в себе 1) человека и 2) все то, что не-человек, следовательно, окружающее человека, внешнее по отношению к нему. Отсюда разделение всех наук на два разряда, из которых один имеет целью изучить человека, а другой – внешнюю природу. Такое разделение, конечно, приблизительно, так как части того и другого отдела так тесно связаны между собой, что не представляется возможным провести резкую черту между ними» [10:199]. Эти взгляды на соотношение естественных наук обнаруживают поразительное сходство с современной когнитивной лингвистикой, которая позиционирует себя как междисциплинарный проект. «Отличительная особенность когнитивной парадигмы состоит в том, – отмечают авторы «Введения» к уже упомянутому сборнику «Язык и мысль», – что она принципиально отказывается от внутренней замкнутости лингвистики и рассматривает себя в связи с соседними науками, изучающими человека, его ум, его мозг и даже тело. Этот подход основан на том очевидном обстоятельстве, что язык неразрывно связан с другими когнитивными подсистемами – представлением знаний, мышлением, памятью, эмоциями и пр.» [5:21].

Обозначив основополагающие взгляды А.А. Потебни на сущность языка, обратимся к вопросу о взаимосвязи языка и мышления в концепции ученого и проведем некоторые параллели с современными изысканиями в этой области. Проблема языка и мышления всегда являлась центральной при любом методологическом подходе к языку, так как, приступая к анализу конкретного языкового объекта, перед исследователем встает целый ряд вопросов, которые невозможно оставить без внимания и которые будут определяющими при выборе методов и методик исследования языкового материала. Назовем некоторые из них:

– возможно ли мышление без использования языка?

– что первично: мышление или язык?

– насколько полноценно участвует язык в формировании мыслей или его функция сводится только к их передаче?

– насколько совпадает ли мысль и ее языковое воплощение?

– является ли язык автономным модулем по отношению к мышлению?

Именно эти вопросы ставит А. А. Потебня с самых первых строк книги «Мысль и язык» (1862), которая стала определяющей для всей его дальнейшей научной деятельности: «Вопрос об отношении мысли к слову ставит лицом к лицу с другим вопросом – о происхождении языка, и наоборот, попытка уяснить начало человеческой речи, неизбежная при всяком усилии возвыситься над массой частных данных языкознания, предполагает известный взгляд на значение слова для мысли и степень его связи с душевною жизнью вообще» [9:5].

Опираясь на взгляды основателя психологического взгляда на язык в европейском языкознании Х. Штейнтала, А. А. Потебня утверждает, что «мысль существует независимо от языка» [9:7]: «Творческая мысль живописца, ваятеля, музыканта не выразима словом и совершается без него, хотя и предполагает значительную степень развития, которая дается только языком. Глухонемой тоже постоянно мыслит – и притом не только образами, как художник, но и об отвлеченных предметах, – без звукового языка...» [9:41]. При этом мышление первично по отношению к языку, так как в истории человечества известны и доязыковые периоды, когда «люди жили как животные, потом почувствовали побуждение соединиться в общество и найти средство взаимного сообщения мысли» [9:8]. Обосновывая эволюционный прогресс и перманентное совершенствование языка, который обслуживает все усложняющиеся потребности развивающегося человечества, Потебня пишет и об обратном воздействии: язык начинает качественно преобразовывать человеческое мышление, участвовать в когнитивных процессах формирования мыслей. Кодирование в языковые структуры осуществляется, по мнению ученого, параллельно с мыслительной деятельностью: «Язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая ее деятельность» [9:43]. При этом исторически сложившаяся система того или иного языка влияет на организацию мышления человека и кодирование им своего жизненного опыта языковыми знаками, то есть язык как бы указывает «путь, по которому принуждена направляться <...> мысль именно в силу того, что он говорит и думает на <...> языке» [10:202]. Эта идея, высказанная более чем на полвека раньше, во многом совпадает с гипотезой языковой относительности, более известной в лингвистике как гипотеза Сепира – Уорфа.

Таким образом, по мнению ученого, уже на продвинутом этапе развития человеческого общества ни мышление, ни язык не являются

самостоятельными модулями, они тесно взаимосвязаны и согласованно участвуют в сложных когнитивных процессах переработки, хранения и передачи информации. Однако А. А. Потебня осознает, что ставить знак равенства между мыслью и ее словесным воплощением невозможно, потому что «при понимании мысли говорящего не передаются, но слушающий, понимая, создает свою мысль. <...> ... поэтому понимание в смысле тождества мысли говорящего и слушающего есть иллюзия, в которой действительным оказывается только некоторое сходство, аналогичность между ними, объясняемые сходством других сторон человеческой природы» [10:226]. Важной для современного когнитивного подхода к языку является также идея ученого о первичности устной речи, т. к. практическая грамматика, считает Потебня, которая изучается учащимся в процессе овладения языком, является идеальной и не соответствует реальной языковой деятельности [9:48].

В современных когнитивных науках мышлением называется процесс установления связей между понятиями и представлениями, при этом часто цитируется высказывание Л. С. Выготского: «Всякая мысль стремится **соединить что-то с чем-то**» [3:376]. В учении А. А. Потебни находим схожее суждение: «Здесь только яснее скажем, что собственно человеческая апперцепция – суждение, представления и понятия – отличается от животной тем, что рождает **мысль о необходимости соединения своих членов**» [9:141]. Потебня утверждает, что подлинное значение слово приобретает только в речи, а «вырванное из связи слово становится мертвым» [9:56], поэтому считает необходимым привлекать связанные тексты для исследования того или иного языкового материала.

Концептуальные взгляды Потебни об отношении мысли к языку явились теоретической основой его конкретных языковедческих исследований. По верному утверждению А. И. Белодеда, А. А. Потебня «создал психолингвистическую модель рождения слова, предложения и частей речи в процессе постижения человеческим разумом бесконечно разнообразных явлений и процессов окружающего мира, творчески применил и апробировал ее в своих собственных исследованиях генетически-эволюционного развития грамматической структуры восточнославянских языков от древности до нашего времени» [1:45].

При осмыслении теоретических воззрений А. А. Потебни о взаимосвязи мышления и языка напрашиваются прямые параллели с идеями ведущих представителей когнитивного направления в современной лингвистике, которые хотелось бы представить хотя бы в самом общем виде.

На вопрос, возможно ли мышление без использования языка, современные ученые отвечают положительно, утверждая существование вербального и невербального мышления. Так, Е. С. Кубрякова, обобщая изучение типов мышления в психологии и лингвистике, замечает: «Современная наука не в состоянии провести точных границ между

речевым и неречевым мышлением. Переход от одного типа мышления к другому может, на наш взгляд, носить разный характер. Индивидуальные оперативные единицы мышления могут не иметь знакового, т. е. конвенционального характера» [8:29].

Сложность вопроса о том, что первично – язык или мышление, а также возможность различных подходов к исследованию данной оппозиции, приводит А. Е. Кибрика к выделению *исторической, качественной, структурной, динамической и исследовательской* составляющих, которые он разграничивает следующим образом:

1. *Историческая* первичность: «Ответ, видимо, однозначный: первична когнитивная способность».

2. *Качественная* первичность: «Возникновение языка качественно преобразует человеческое мышление. Видимо, можно предположить, что с точки зрения возникновения человека язык качественно первичен».

3. *Структурная* первичность: «Важным различием является (вынужденная) линейность языковой структуры и многомерность когнитивной структуры. Поэтому они не изоморфны, и при переходе от когнитивной к языковой структуре нужна по крайней мере линеаризация первой и наоборот». Вопрос о первичности не имеет ответа.

4. *Динамическая* первичность: «Это вопрос о речемыслительной деятельности и развертывании дискурса. В отличие от часто принимаемой презумпции, что язык кодирует уже сложившуюся мысль, я полагаю, соглашаясь с Потебней и Сепиром, что языковая структура разворачивается параллельно с мыслительной деятельностью». Если это так, вопрос о первичности не имеет ответа.

5. *Исследовательская* первичность: «Для лингвиста первична *языковая структура*» [6:324].

Современная когнитивная лингвистика открыта для решения большого круга проблем, связанных с пониманием сущности языка во всей его сложности. Именно поэтому ученые вновь и вновь обращаются к вопросам о функциях языка, его участии в процессе формирования мыслей, степени самостоятельности в процессе познания, эквивалентности мысли ее языковой презентации и др. Эти проблемы подробно рассмотрены в одной из последних работ У. Чейфа, в которой ученый, последовательно обосновывая необходимость создания новой теории языка, основанной на мышлении, и опираясь на целый ряд новейших психологических и лингвистических исследований, пишет: «Процесс ассоциирования мыслей со звуками последовательно проходит через стадии семантического, синтаксического и фонологического структурирования, в результате чего достигается конечный результат в виде звуков. Как было показано, сами мысли организуются в виде представлений о событиях, состояниях и их участниках, имеющих ориентацию во времени, пространстве, эпистемологии, эмоциях, социальном взаимодействии и контексте. Каждый язык структурирует мысли при помощи своих собственных семантических ресурсов, включая категоризацию тех или иных представлений и выбор конкретно-языковых установок [11:85]. В конце

работы У.Чейф, подчеркивая непосредственную связь между лингвистикой и психологией, приходит к выводу необходимости объединения лингвистики и других когнитивных наук, потому что «мышление – это та область, в которую науки, смежные с лингвистикой, могут внести наибольший вклад» [11:85]. Думается, что связь между приведенными идеями современного американского лингвиста и воззрениями А. А. Потебни представляется очевидной.

Данная статья не может претендовать на достаточно полный анализ воззрений А. А. Потебни, касающихся вопросов сопряжения языковых и когнитивных процессов в языковой деятельности человека. Мы постарались провести лишь некоторые параллели между современными когнитивными исследованиями и работами нашего соотечественника, написанными еще во второй половине XIX века, который во многом предвосхитил «мейнстрим» мировой лингвистической мысли XXI века. Думается, что многие теоретические положения А. А. Потебни нуждаются в дальнейшем осмыслении и разработке. Назовем некоторые перспективные, на наш взгляд, направления такого анализа:

– оценка психолингвистической модели порождения и восприятия речи в концепции Потебни;

– когнитивная интерпретация учения А. А. Потебни о «внутренней» форме слова, предложения, дискурса;

– переосмысление синтаксической теории ученого с позиций динамического и когнитивного синтаксиса.

В заключение хотелось бы привести слова А. А. Потебни об основополагающей задаче языкознания, которая, по нашему мнению, звучит весьма современно и актуально и для нашего времени: «Определить ту долю мысли, которая без членораздельного звука невозможна, а также определить ее влияние на другие стороны человеческой деятельности составляет широкую задачу языкознания. Такая задача языкознания существовала бы и в том случае, если бы все человечество говорило одним языком: **и в этом случае языкознание оставалось наукою о формах, принимаемых мыслью до появления ее в ремесле, искусстве, науке, и обратно – о влиянии этих проявлений на саму мысль**» (*выделено А. А. Потебней – Е. П.*) [10:201–202].

Литература

1. Белодед А. И. Грамматическая концепция А. А. Потебни в истории отечественного языкознания : Автореф. докт. дисс. / АН СССР Ин-т русского языка. — М., 1977. — 49 с.
2. Белый А. Мысль и язык. (Философия языка А. А. Потебни) / А. Белый. — Логос. — 1910. — № 2. — С. 240—258.
3. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. — М. : АПН РСФСР, 1956. — 519 с.
4. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. докт. филол. наук : 10.02.19 / Ин-т языкозн. РАН. — М., 2003. — 90 с.
5. Кибрик А. А. От составителей : когнитивная лингвистика — в поисках единства / А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика. — М. : Языки слав. культуры, 2015. — С. 21—28.
6. Кибрик А. Е. Язык и мышление : что из них яйцо и что курица? / А. Е. Кибрик // Четвёртая международная конференция по когнитивной науке : Тезисы докладов : В 2 т. Томск, 22—26 июня 2010 г. — Томск : Томский государственный университет, 2010. — Т. 2: — С. 322—324.
7. Кошелев А. Д. На пороге эволюционно-синтетической теории языка / А. Д. Кошелев // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика. — М. : Языки слав. культуры, 2015. — С. 123—154.
8. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке : Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный. — М. : Наука, 1991. — 241 с.
9. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня // Потебня А. А. Полное собр. трудов : Язык и мысль / А. А. Потебня. — М. : Лабиринт, 1999. — С. 5—198.
10. Потебня А. А. Психология поэтического и прозаического мышления / А. А. Потебня // Потебня А. А. Полное собр. трудов : Язык и мысль / А. А. Потебня. — М. : Лабиринт, 1999. — С. 199—236.
11. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении / У. Чейф // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика. — М. : Языки слав. культуры, 2015. — С. 60—88.